ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ РАН РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

Миссионеры на Дальнем Востоке

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

> САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 19–20 НОЯБРЯ 2014 г.

СОСТАВИТЕЛИ: В. Ю. КЛИМОВ, Т. А. ПАН, К. Г. МАРАНДЖЯН, Д. КИКНАДЗЕ, В. В. ЩЕПКИН

Издательство РХГА Санкт-Петербург 2014

УДК 2(571) ББК 86.2(55) М65

Составители: В.Ю. Климов, Т.А. Пан, К.Г. Маранджян, Д. Кикнадзе, В.В. Щепкин

М65 Миссионеры на Дальнем Востоке: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 19—20 ноября 2014 г.). — СПб.: Издательство РХГА, 2014. — 207 с.

ISBN 978-5-88812-702-5

УДК 2(571) ББК 86.2(55)

Содержание

От составителей
Адамек П. Польские миссионеры в Китае в XVII–XVIII веках
Бертова А. Д. Жизнь и деятельность Ниидзима Дзё11
Болошина М. С. Русская Духовная Миссия и японские женщины эпохи Мэйдзи (по материалам журналов «Мадо» и «Муза») 13
Болтач Ю. В. «Деяния [людей] Трёх государств» о первом проповеднике буддизма в Корее— монахе Шунь-да24
Валеев Р. М., Колесова Е. В., Хабибуллин М. З. Миссионерское востоковедение в Казани: события и судьбы (XIX – начало XX вв.)30
Валеев Р. М., Валеева Р. З., Федорченко Р. Г. В. П. Васильев в XII Пекинской духовной миссии: архивные материалы (1840–1850 гг.)
Даньшин А.В. Участник тринадцатой российской духовной миссии в Китае М.Д. Храповицкий и его вклад в изучение дальневосточного права47
Дмитренко А. А. Российская духовная миссия в Китае в сравнении с инославными миссиями: причины неуспеха50

V	арова И. М. Итоги изучения Сибири и Монголии _И частниками посольства Ю. А. Головкина53
(L	надзе Д. Об одном эпизоде из жизни патриарха японской школы Тэндай Эннина (по материалам сборника «Удзи сюи моногатари», XIIIв.)56
}	мов В.Ю. Кристианство в Японии во 2-й половине XVI— начале XVII вв.: миссионеры, христианские даймё, источники (краткий обзор)69
E	ин П. А. Первый опыт организации православного образования в Китае во время династии Цин: к истории Албазинского иужского училища (первая четверть – конец XIX в.)90
ŀ	<i>анджян К. Г.</i> Карл Гюцлаф в воспоминаниях современника по материалам дневника миссионера Б. Беттельхайма) 105
(	<i>тынов Д. Е.</i> Специфика деятельности X православной Цуховной миссии в Пекине (1821–1831)114
ſ	хидзе Д. И. Педро Аррупе Гондра и его миссионерская цеятельность в Японии (1938–1965)117
Γ	айлова С. А. Путевые заметки художника В. В. Верещагина о поездке в Японию летом 1903 года120
(	ов Д. А. Особенности деятельности Казанской миссионерской школы в буддийских регионах

Османов Е	.: М .
	ие «христианского столетия»
на пере	еход к политике самоизоляции Японии141
Пан Т. А.	
Деятел	ьность Доменика Парренина в Пекине161
	ues and Limits of a Hermeneutics
•	icion in Evaluating the Canon-in-Translations ed by Missionary-Scholars: Cases and Reflections 171
Сизова А.	4.
«Ламри	арительные замечания о первом переводе им Ченмо» на европейский язык, выполненном
миссио	нером-иезуитом Ипполито Дезидери (1684–1733) 173
Чхве Чиюн	
Кратки	й очерк истории Корейской Православной Церкви 183
Шубина С.	A.
	ики личного происхождения о российской ой миссии в Китае (XVIII – начало XX века)192
Щепкин В.	B.
•	е миссионеры в землях айнов (1618–1622) следие200

Носов Дмитрий Алексеевич, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора Центральной Азии отдела Центральной и Южной Азии Института восточных рукописей РАН dnosov@mail.ru

Особенности деятельности Казанской миссионерской школы в буддийских регионах

С начала XVIII в. перед Российской империей встала задача освоения восточных окраин, для чего было необходимо включить проживавшие там народы в ее социокультурное пространство. Это требовало подготовки специалистов со знанием языков и быта как тех этносов, что проживали непосредственно на территории страны, так и тех, кто составлял население граничащих с ней государств.

Несмотря на обширные связи России с Востоком и существование среди русских знатоков восточных языков, до петровских реформ «это были знатоки, так сказать, случайные, которые не обеспечивали нас на будущее время, что и оказалось, когда преподавание восточных языков было введено в университетах» [5, с. 4].

Начиная с эпохи правления Петра I и до середины XIX в. в нашей стране сформировались три направления изучения Востока, каждое из которых решало свои задачи, находясь при этом в тесном взаимодействии с другими.

Первое направление можно охарактеризовать как гражданское. В него входило переводческое обеспечение дипломатических связей с соседями и административной деятельности на территории, населенной инородцами. Параллельно осуществлялись научные исследования культур Востока.

Деятельность в рамках этого направления изначально обеспечивала Академия наук (с 1725 г.). Затем к ней подключились и высшие учебные заведения: Дерптский университет (с 1803 г.), Харь-

¹ Дерпт — в 1224–1893 гг. название современного города Тарту в Эстонии.

ковский университет (с 1805 г.), Казанский университет (с 1808 г.), Московский университет (с 1811 г.), Александровский университет в Гельсингфорсе¹ (с 1828 г.), Санкт-Петербургский университет (с 1855 г.) [5, с. 23–32].

Помимо университетов, подготовка в области восточных языков давалась и в гимназиях: в Астраханской гимназии (с 1811 г.), Первой Казанской гимназии (с 1822 г.), Тифлисской² гимназии (с 1829 г.), Ставропольской гимназии (с 1837 г.), Екатеринодарской³ гимназии (с конца 1840-х гг.), Новочеркасской гимназии (с 1850 г.), Тобольской и Томской гимназиях (с 1851 г.), Оренбургской гимназии (с 1853 г.), Кутаисской гимназии (с 1853 г.) [5, с. 9–23].

Восточные языки преподавались и в низших учебных заведениях, главным образом Новороссийского края: в Акмечетском училище, в Симферопольском, Феодосийском и Перекопском уездных училищах, а также в Григориопольском, Мариупольском, Бахчисарайском, Карасубазарском и Нахичеванском приходских училищах. По положению о Кавказских Училищах 1829 г., в уездных училищах преподавали местные языки. Из Сибирских уездных училищ лишь в Омском преподавался татарский [5, с. 33–35].

Для обеспечения дипломатической и административной деятельности, связанной с восточными языками, были созданы специальные учебные заведения: Лазаревский институт восточных языков в Москве, основанный в 1814 г., Учебное Отделение восточных языков при Азиатском Департаменте Министерства Иностранных Дел, основанное в 1823 г., Восточный Институт при Ришельевском Лицее в Одессе, открытый в 1828 г., Кяхтинская школа китайского языка, основанная по ходатайству местного купечества в 1832 г. [5, с. 35–40], а также Восточный Институт, открытый в 1899 г. во Владивостоке [2, с. 181].

¹ Гельсингфорс — шведское название столицы Финляндии, города Хельсинки. Использовалось в официальных документах во время нахождения Финляндии в составе Российской империи (1809–1917).

² Тифлис — название столицы Грузии, города Тбилиси, использовавшееся в русском языке до 1936 г.

³ Екатеринодар — с 1793 по 1920 гг. название города Краснодар, столицы современного Краснодарского края РФ.

Выпускники всех перечисленных выше учебных заведений направлялись впоследствии как на гражданскую, так на военную и духовную службу.

Обеспечение обороны государства требовало специалистов, обладающих знаниями специфики Дальнего Востока. Следовательно, изучение военных аспектов деятельности государств и народов этого региона стало вторым направлением в области практического востоковедения. В 1789 г. для приготовления переводчиков по пограничному управлению Сибирской линии была учреждена Азиатская школа в Омске. В 1824 г. в Оренбурге было основано Неплюевское военное училище, также готовившее переводчиков с восточных языков. Школа эта финансировалась Министерством Иностранных Дел и Министерством Народного Просвещения. Специальные курсы, посвященные Востоку, читались в Военной Академии. Восточные языки преподавались в ряде сибирских военных прогимназий, преобразованных из бывших кадетских корпусов в 1860-е гг. [5, с. 57–60].

Третьим направлением в области преподавания восточных языков в России была подготовка специалистов-миссионеров, задачей которых стало привлечение «инородцев» и жителей приграничных государств в лоно православной церкви.

Помимо множества различных языческих культов, на востоке страны проживали тюркские народы, обращенные в ислам, а также буряты и калмыки, буддисты по вероисповедованию. Работа с ними требовала от православных миссионеров особой подготовки, знания языка, вероучения и быта своих будущих подопечных [8, с. 194; 10, с. 154–155]. Для этого были созданы специальные учебные заведения — духовные академии, семинарии, училища, а также образовательные центры при духовных миссиях [8, с. 194].

История изучения Востока в целом, и Дальнего Востока в частности имеет в духовных учебных заведениях глубокие корни. Ещё в 1716 г. пять учеников из Московской духовной академии (далее — МДА) были зачислены в Посольский Приказ и отправлены в Персию для обучения арабскому, персидскому и турецкому языкам [5, с. 4–5]. Немногим позднее началось преподавание монгольского языка в Иркутске, там же предполагалось ввести обучение китайскому. В 1738 г.

два студента МДА поступили в Иностранную коллегию для изучения маньчжурского языка. Но эти первые попытки познания Востока отвлекали воспитанников от богословских занятий, о чем ректор академии писал в Синод в 1735 г. [5, с. 5].

Знание восточных языков, а точнее древнееврейского, требовалось для основательного постижения богословия. В 1798 г. Священный Синод издал указ, согласно которому древнееврейский язык стал обязательным для всех учеников высших классов духовных академий. До этого его преподавали в Киевской духовной академии и МДА, которые до конца XIX в. были единственными учебными заведениями, «в которых лица, посвятившие себя духовному званию, могли получать высшее образование» [5, с. 41–43]. Позднее были также образованы Санкт-Петербургская и Казанская духовные академии [5, с. 43].

Помимо духовных академий, семинарии, заведенные в России во времена Петра I, с последней четверти XVIII в. стали включать в свои учебные программы преподавание «инородческих» языков с целью «подготовить священников для проповеди Слова Божия среди инородцев и для борьбы с их вероучениями» [5, с. 47]. В их число входили, например, Казанская семинария, в которой инородческие (восточные) языки преподавались с 1820 г. [5, с. 48-49], а также основанная в 1846 г. Кавказская (Ставропольская) семинария, в которой изучали калмыцкий, татарский (кумыкский) и осетинский языки [8, с. 197–198]. Ее воспитанники направлялись в Большедербетовский калмыцкий улус для практики в калмыцком языке [5, с. 54]. Ряд тюркских языков преподавался в Нижегородской семинарии с 1783 г. [5, с . 49–50]. В 1822 г. в Иркутской семинарии был образован класс монгольского языка (разговорного и «книжного»), в который принимали и бурятских мальчиков [5, с. 50]. 24 декабря 1832 г. с целью преподавания калмыкам Слова Божия в Астраханской семинарии был введен калмыцкий язык [5, с. 50]. В 1848 г. класс калмыцкого языка был открыт в Саратовской семинарии [5, с. 51]. Преподавался он и в Донской семинарии [5, с. 53].

Большедербетовский калмыцкий улус — административно-территориальная единица в составе Астраханской и Ставропольской губерний Российской империи, Калмыцкой автономной области РСФСР. Существовала до 1930 г.

В первой половине XIX в. в духовных училищах взамен древнееврейского языка было введено преподавание языков местных народов. Это было сделано «ввиду местных потребностей» [5, с. 55]. Так, например, в Иркутском духовном училище давали монгольский язык. Это делалось с 1830-х гг., когда оно еще было светским. Обязательным монгольский стал и для учеников Нерчинского училища. Маньчжурский язык преподавался в Благовещенском училище. В Астраханском и Ставропольском изучали татарский и калмыцкий языки [5, с. 56]. Но по уставу духовных училищ 1869 г. восточные языки были исключены из учебных программ [8, с. 198].

Практика организации миссионерского образования в России показывает, что с самого ее начала потребовались специалисты, не только хорошо знающие Закон Божий, но и прекрасно разбирающиеся в языке и культуре народов, среди которых им предстояло вести проповедь. Как сказано выше, в Иркутской семинарии было введено одновременное преподавание разговорного и письменного монгольского языка, который использовался буддийским духовенством. Это доказывает, что православные миссионеры не упускали из виду вероучение, которое закрепилось на этих территориях до их прихода.

Наиболее интересным представляется деятельность одного высшего духовного учебного заведения, воспитанники которого не просто хорошо владели языками паствы, но и обладали достаточным знанием исламской и буддийской религиозных доктрин. Речь идет о Казанской духовной академии (далее — КДА). Город, в котором она была расположена, в XVIII – начале XIX в. стал официальным центром Российской империи, из которого координировалась миссионерская деятельность православного духовенства среди народов Поволжья, Приуралья и Сибири [4, с. 112]. В 1808–1869 гг. все епархии России были разделены на четыре духовноучебных округа, каждый находился в ведении своей духовной академии. Территория, за которую отвечала КДА, простиралась от Камчатки до Кавказа, от Нижнего Новгорода до Томска [12, с. 11].

В 1797 г. Казанская духовная семинария была преобразована в КДА, в 1818 г. она вновь была превращена в семинарию. Вторич-

но семинария была преобразована в академию 8 ноября 1842 г. [8, с. 194]. Деятельность этого учреждения оказала огромное влияние не только на пропаганду христианства в восточных регионах Российской империи, а также за ее пределами. Она в значительной мере обогатила всё отечественное востоковедение.

Особенные потребности этой академии были вызваны тем, что в Казанской епархии, миссионеров для которой она готовила, говорили на татарском, якутском, монгольском, тунгусском, калмыцком, чувашском, черемисском¹, мордовском, вотском и остяцком языках. Из них правление академии сочло нужным ввести преподавание татарского, с турецким и арабским, а также монгольского и калмыцкого языков. Соответственно, в январе 1845 г. были открыты два разряда: турецко-татарский и монголо-калмыцкий [5, с. 45].

В 1854/55 учебном году произошла реструктуризация академии и вместо прежних кафедр языков были открыты «миссионерские отделения» для работы с татарами, «монгольским племенем», чувашами и черемисами. Помимо обучения языкам на этих отделениях стали преподавать «сущность учений означенных инородцев, с целью более успешной борьбы с этими учениями» [5, с. 45]. Эта фраза отражает основной принцип работы миссионеров, прошедших подготовку в КДА, с первой половины XIX в. вплоть до полного прекращения миссионерской деятельности в начале 20-х гг. XX в. Данный принцип и определил те особенности, которые позволили духовному образовательному учреждению оставить заметный след в светской науке.

В 1856 г. КДА было разрешено иметь практикантов для преподавания языков, а с 1858/59 учебного года академическое начальство сделало изучение ислама и буддизма обязательным для всех студентов младшего отделения. Но это создало слишком большую нагрузку на слушателей академии и в 1865 г. миссионерские предметы вновь были распределены между тремя разделами: 1) против раскола², 2) против ислама и 3) против буддизма. Студенты низ-

Черемисский язык — используемое в дореволюционной литературе название современного марийского языка.

² Раскол — раскол Русской церкви возник в результате церковных реформ, предпринятых патриархом Никоном в 1650-х – 1660-х гг.

шего и высшего курсов зачислялись на них по собственному желанию [5, с. 45].

С момента преобразования академии в 1842 г. на ее деятельность обратили внимание преподаватели Казанского университета, бывшего в ту пору центром востоковедного образования в России. Так, в 1844 г. профессор этого университета А. К. Казембек (1802–1870), ставший впоследствии первым деканом факультета восточных языков в С.-Петербургском университете [9, с. 473], подготовил записку о необходимости вести богослужение среди крещеных татар на их родном языке [5, с. 44]. Этим он подтвердил насущную необходимость подготовки миссионеров и священнослужителей со знанием «инородческих» языков. Немалую роль в организации востоковедения и учебного процесса в КДА сыграл А. В. Попов (1808–1865) [4, с. 114], первый заведующий (с 1855 г.) кафедрой монгольского и калмыцкого языков факультета восточных языков С.-Петербургского университета.

Контакты между КДА и Казанским университетом носили регулярный характер. В 1844–1845 гг. ее студенты были допущены в университет на лекции по татарскому, монгольскому и калмыцкому языкам. Затем преподаватели университета читали лекции отдельно для воспитанников КДА [4, с. 114]. Так сформировалась первая отличительная особенность образования и деятельности миссионеров-востоковедов из Казани — опора на фундаментальное университетское образование. Это позволило выпускникам и сотрудникам КДА не только совершенствовать методику проповеди христианской веры на Дальнем Востоке, но и внести значительный вклад в науку.

С середины 40-х гг. XIX в. академия выпускает своих преподавателей восточных языков, которые оставили заметный след в отечественном востоковедении. Это монголовед А. А. Бобровников (1821–1865), тюрколог Н. И. Ильминский (1822–1891) и арабист Γ . С. Саблуков (1804–1880) [4, c. 117].

Ильминский и Саблуков были выдающимися представителями так называемой «Казанской миссионерской школы исламоведения», «настроения» которой в значительной мере предвосхитил деятель духовного ведомства А. Н. Муравьев (1806–1874) в неод-

нократных изданиях описаний своих путешествий (начиная с 1830 г.) и особой публикации «Писем о магометанстве» (1848) [9, с. 84].

Эти «настроения», как в области изучения Востока, так и в области проповеди христианства, подвергались критике представителями отечественной академической арабистики и тюркологии, в первую очередь В. Р. Розеном (1849–1908) [9, с. 125–131].

Открытие «противомусульманского» отделение в КДА (1854) и закрытие разряда восточной словесности в университете (1855) переместило центр казанской арабистики в академию [9, с. 125]. Именно ее сотрудник, Г. С. Саблуков, осуществил первый перевод Корана с арабского оригинала на русский язык. Несмотря на сомнения в правильности обращения к поздней мусульманской традиции при подготовке перевода, И. Ю. Крачковский (1883-1951) отметил определяющую роль данного труда для развития отечественной арабистики [9, с. 128]. Тем не менее, основным предметом критики «казанской миссионерской школы исламоведения» со стороны академической науки был упор на полемику с представителями мусульманского вероучения. Говоря о роли В. Р. Розена в споре с казанскими миссионерами, выдающийся отечественный арабист отмечал, что «благодаря ему влияние этой школы в нашей серьезной арабистике было парализовано» [9, с. 131]. Впрочем, некоторые ее представители, как, например, П. К. Жузе (1871–1942) сумели «преодолеть вредные тенденции специфической школы» и продолжили научную деятельность в России после 1917 г. [9, с. 130].

Казанский университет являлся также колыбелью отечественного монголоведения, но долгое время среди историков науки бытовало мнение, что изучение языка и культуры монголов в Казани было связано исключительно с университетом и завершено в 1855 г. с открытием факультета восточных языков в Санкт-Петербурге, куда переехала основная часть преподавателей. Как было сказано выше, университетские преподаватели успели подготовить себе смену в духовной академии. Вероятно, отсутствие должного внимания к монголоведению в КДА было вызвано в том числе той критикой, которой подверглась академия и ее исламоведческая деятельность в литературе по истории востоковедения в середине ХХ в.

Лишь в конце XX – начале XXI вв. в ряде работ было представлено предварительное изложение истории монголоведения в КДА с 40-х гг. XIX в. по 20-е гг. XX в. [12; 13; 4; 14; 10]. Даже предварительный обзор семидесятилетней деятельности преподавателей и выпускников КДА в буддийских регионах нашей страны и за ее пределами показывает, насколько значимы были результаты, полученные в ходе нее. Наследие казанских миссионеров во многом определило дальнейший ход развития отечественного монголоведения. Многие их достижения до сих пор не включены в научный оборот.

Работа миссионера в КДА была неразрывно связана с преподавательской и научной деятельностью. Поэтому восполнение недостатка в учебных пособиях и программах по языкам и буддизму стало для сотрудников академии насущной необходимостью. Это являлось сложной задачей, поскольку в середине XIX в. теоретическая грамматика монгольских языков была еще слабо разработана. Мало внимания уделялось и аналитике догматов буддизма.

Одним из первых, кто попытался восполнить данный пробел, был А. А. Бобровников. Ещё в студенческие годы он проявил себя как неутомимый исследователь, подготовив в 1846 г. курсовую работу на тему «О различии между христианским и буддийским учением о любви к ближним». Труд этот оказался настолько ценным, что был частично опубликован почти через 20 лет (в 1865 г.) в Ученых записках Имп. Казанского университета [12, с. 12].

Попав по окончании курса на кафедру КДА, Бобровников получил от ее ректора задание составить учебное пособие по калмыцкому языку. Для ее выполнения исследователь попросил командировать его в калмыцкие степи, на что было дано разрешение Св. Синода. В планировании поездки значительную помощь ему оказал проф. А. В. Попов. Он предложил пункты, в которых Бобровников должен был останавливаться. За время путешествия ему следовало:

• Во-первых, осуществить комплексное исследование калмыцкого языка, которое включало изучение его лексического состава и грамматического устройства. Также необходимо было провести сравнительный анализ разговорного и письменного монгольского и калмыцкого языков.

- Во-вторых, изучить буддийские догматы и обряды у калмыков.
- В-третьих, провести этнографическое исследование среди калмыков, изучив как обычаи и нравы, так и домашний быт этого народа [12, с. 12].

Всего А. А. Бобровников пробыл в 1846 г. среди калмыков 33 дня и по возвращении в Казань принялся за составление грамматики. Для работы над ней он привез с собой калмыцкого мальчикасироту Ачирку (Очир), которого подарил ему один из аристократов. Ребенок прожил у Бобровникова несколько месяцев, но зимой 1847 г. возвратился с проезжими земляками домой [12, с. 12].

Практика отправки слушателей и преподавателей КДА к калмыкам в Нижнее Поволжье возобновилась в конце XIX – начале XX в. Основными задачами таких поездок были изучение калмыцкого языка, религии и быта [4, с. 222].

Использование носителей языка для преподавания разговорной речи стало обязательной практикой при подготовке миссионеров КДА, в середине XIX – начале XX в. их привлекали для занятий арабским, татарским, монгольским и калмыцким языками [4, с. 119]. Оно отразило вторую отличительную особенность казанской миссионерской школы — внимание к разговорной речи местных народов с целью организации более эффективной проповеди среди широких масс населения.

Благодаря этой особенности монголоведы получили яркие научные труды, не теряющие свою ценность и в настоящее время. Например, оконченную А. А. Бобровниковым 21 мая 1848 г. «Грамматику монгольско-калмыцкого языка» [12, с. 12].

Совместно с привлечением простых носителей языка, в подготовке миссионеров в КДА принимали участие представители местных народов, получившие европейское и традиционное буддийское образование. В 1850–1853 гг. здесь совместно с А. А. Бобровниковым ученый лама-бурят Галсан Гомбоев (1822–1863) принимал участие в составлении калмыцких хрестоматии и разговорника. В последнем труде предполагалось отразить в сжатой форме все житейские обычаи и поверья этого народа. Но разговорник закончен не был, а материалы к нему ныне утеряны [12, с. 12].

Гомбоев за отдельную плату также занимался перепиской необходимых для библиотеки КДА монгольских рукописей [12, с. 12]. Его деятельность отражает третью отличительную особенность работы казанской миссионерской школы в буддийских регионах — сбор оригинальных рукописей духовного и светского содержания с целью их дальнейшего всестороннего изучения. Начало формирования библиотеки и рукописной коллекции в КДА относится к 40-м гг. XIX в. Оно было положено Н. И. Ильминским и А. А. Бобровниковым, а также выпускником академии 1799 г., известным российским китаеведом о. Иакинфом (Н. Я. Бичуриным). В 1849 г. он принес в дар КДА часть своего научного архива, в которую входили рукописи его фундаментальных научных трудов по географии, истории, праву, языку Китая и Монголии. Всего список пожертвований о. Иакинфа академии содержал 168 наименований книг, карт и рукописей [4, с. 120-122]. В 1889 г. епископ якутский Мелетий «(М. К. Якимов, 1835–1900), бывший студент КДА, подарил коллекцию тибетских и монгольских книг буддийского содержания, изданных в буддийских монастырях Забайкальской области [12, с. 15].

Пополняли библиотеку КДА не только ее сотрудники и выпускники, но и представители «противоположной стороны». В 1912 г. штатный гелунг² Гусиноозерского дацана³ Дондук Ценджипов подарил несколько монгольских книг [12, с. 15]. Впоследствии значительная часть монгольских и тибетских рукописей и ксилографов попала в Азиатский музей в Ленинграде (ныне Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург) [13, с. 121].

Библиотека имела практической целью как можно лучше ознакомить будущих миссионеров с основами и особенностями буддийского вероучения. Рукописи служили студентам КДА базой для написания бакалаврских и магистерских сочинений [10, с.

¹ Забайкальская область — административная единица в составе Российской империи, образованная в 1851 г. В 1922 г. преобразована в Забайкальскую губернию Дальневосточной области РСФСР. Находилась на территории современных Республики Бурятия и Забайкальского края РФ.

² Гелунг, гелонг (монг.: гэлэн(г)) — высшая степень монашеского посвящения.

³ Гусиноозерский (Тамчинский) дацан — буддийский монастырь, построенный в 1741 г. [3; 406] на западном берегу оз. Гусиное, расположенного в современном Селенгинском районе Республики Бурятия РФ.

154]. Большинство из них сохранилось до наших дней в Национальном архиве Республики Татарстан. Его фонды содержат 2332 дела курсовых работ духовных семинаристов КДА [10, с. 156].

В разные годы в качестве магистерских диссертации студентами академии было переведено с монгольского языка большое количество буддийских сочинений [13, с. 121]. Приоритетным направлением для них стало исследование дидактических произведений, относящихся к «популярному буддизму». В них догматы веры объяснялись на легкодоступном и понятном материале [10, с. 154]. Эту традицию начал ещё А. А. Бобровников в конце 40-х гг. XIX в. [4, с. 121].

Так сформировалась четвертая особенность работы казанских миссионеров с буддийскими регионами — подготовка студентов на основе оригинальных религиозных текстов, главным образом дидактического содержания.

С 1855 по 1917 гг. КДА издавала ежемесячный журнал «Православный собеседник», в котором среди прочего публиковались монголоведческие материалы, религиоведческие статьи по буддизму. С 1915 г. академия также открыла журнал «Инородческое обозрение», где, в том числе, содержались исследования по буддийской иконографии, истории религии и этнографии. Помимо этого, выпускники академии, служившие от ставропольской до якутской епархий, опубликовали в соответствующих епархиальных ведомостях множество статей о калмыках, бурятах и бытовании буддизма среди этих народов [12, с. 16].

Стремление к публикации своих исследований стало пятой отличительной особенностью деятельности представителей казанской миссионерской школы.

После ухода Бобровникова из КДА в 1855 г. занятия монголоведением и буддологией в академии прервались. В 1863–1871 гг. преподавание миссионерских предметов по монгольскому отделению осуществлялось В. В. Миротворцевым (1838–1891), затем не нашлось желающих обучаться на нем [12, с. 12].

Работа по подготовке миссионеров для буддийских регионов возобновилась в КДА в 1884 г., когда были образованы две кафедры: 1) истории и обличения ламайства и монгольского языка

с бурятским наречием; и 2) калмыцкого наречия, общего филологического обзора языков и наречий монгольского отдела, этнографии племен этого отдела и истории распространения христианства между ними. В 1889/1890 учебном году при академии были открыты двухгодичные миссионерские курсы по татарскому и монгольскому отделам. На них образование получали те, кто не мог прослушать полный курс в КДА, и большинство предметов читалось слушателям курсов совместно со студентами [12, с. 13].

Так начался период второго расцвета исследований буддизма в КДА. Он связан с выпускником монгольского отделения КДА (1906), архимандритом Гурием (А. И. Степановым, 1880–1937 или 1938). Став инспектором академии в 1912 г., он приложил значительные усилия к тому, чтобы сохранить приобретенные КДА ранее традиции изучения буддизма, а затем поднять его на новый уровень. Благодаря его усилиям в 1911 г. в программу предметов по монгольскому отделу миссионерского отделения был внесен тибетский язык — основной язык буддийских текстов. На следующий год он поставил вопрос о практиканте бурятского языка, который был решен в 1914 г. [12, с. 13]. До этого в качестве лекторов по разговорному языку в академии служили калмыки [13, с. 119].

Особенности миссионерской и исследовательской деятельности сотрудников КДА в начале XX в. хорошо иллюстрирована В. Л. Успенским на примере поездки иеромонаха Амфилохия (И. Я. Скворцова, 1885–1937) в Монголию с целью изучения тибетского языка [14].

Отчет о первом годе пребывания Амфилохия в Монголии — ценное свидетельство о посещении страны в ключевой период её истории¹.

Отчет о втором годе путешествия занимает почти 30 машинописных страниц. В нем содержится изложение одного из важнейших философских сочинений буддизма махаяны 2 — «Мадхьямика аватара»

¹ 29 декабря 1911 г. в Урге (ныне г. Улан-Батор) состоялась церемония возведение на трон «великого хана» Монголии Джебзундамба-хутухты богдо-гэгэна. Тем самым была провозглашена фактическая независимость Монголии от Китая, где в том же году произошла Синьхайская революция [7, с. 32].

² Махаяна (санскр.: mahayana, тиб: theg-pa chen-po) — «великая колесница». Одно их двух основных направлений буддизма.

(санскр.: Madhyamikāvatāra; тиб.: dBu ma la 'jug pa), автором которого считается Чандракирти (VII в.). Оно входит в программу традиционного монастырского образования. Амфилохий перевел его название как «Вступление в основу учения» [14, с. 137–138].

Оба документа хранятся в Национальном архиве Республики Татарстан [14, с. 137].

В ходе своего месячного путешествия из Казани в Ургу¹ иеромонах посетил Гусиноозерский дацан [14, с. 138], что свидетельствует о его глубоком интересе к буддизму. Столица Монголии была выбрана им как «центр монгольской учености», где он нашел «довольно благоприятные условия для изучения ламаизма» [14, с. 138].

Амфилохий сумел организовать индивидуальный учебный процесс. При помощи генерального консула в Урге он нанял тибетца для занятий с ним разговорным и «книжным» языком, но тот оказался слабо подготовленным в буддийской доктрине и не мог переводить на монгольский. Поэтому иеромонаху пришлось искать себе ламу-монгола, найдя которого он «сразу сел за перевод тибетских сочинений» [14, с. 138-139]. С ламой-монголом он читал 25-ю и 36-ю главы из популярного сочинения «Сутра о мудрости и глупости» (тиб: 'Dzangs blun, монг.: Üliger-ün dalai), по которой он затем занимался со своими студентами в Казани [14, с. 139]. Далее он прочел вместе с учителем произведение Las pa zhes bya ba bzungs so, название которого перевел как «Сочинение о деяниях», и комментарий на небольшое сочинение Цзонхавы² «Восхваление Будды Шакьямуни за преподанное им учение о причинно-зависимом возникновении», составленный Джанджа-Хутухтой Ролби-Доджэ (lCang-skya Rol-pa'l rdo-rje; 1717-1786). Это сочинение стало для Амфилохия «фундаментом для изложения всей системы ламаизма» [14, с. 139-140].

Параллельно иеромонах совершенствовал свое знание монгольского языка и изучал написанные на нем буддийские тексты. При этом он обратил внимание на новомонгольский литера-

¹ Урга (монг.: Өргөө) — до 1924 г. название столицы Монголии.

² Цзонхава (1357–1419) — основатель буддийской школы гелугпа, к которой причисляют себя большинство последователей буддизма в Центральной Азии (тибетцы, монголы, буряты, тувинцы и др.).

турный язык, использовавшийся для написания оригинальной литературы монголов (летописей, сказаний и сказок) и ведения официальной переписки. Амфилохий отмечал, что составленные миссионерами «переводы на монгольский язык страдают тем недостатком, что они изложены старым языком, малопонятным для простого народа» [14, с. 140]. Для анализа современного ему монгольского письменного языка Амфилохий использовал свод монгольских законов в 5 т., перевел ряд рассказов из «Бигир-миджитханы тууж» (История о Бигир-миджид хане¹) [14, с. 140].

В ходе занятий в области буддийской литературы Амфилохий, по его словам, получил «материалы для изучения метафизических основ ламаизма», смог составить представление о буддийской картине мира и особенностях пути человека в нем [14, с. 141].

Не менее важным направлением деятельности иеромонаха было исследование места буддийской доктрины в повседневной жизни монголов. Для этого он специально выехал в район реки Хараа², где, наняв юрту, «жил среди монголов в полной монгольской обстановке, наблюдая их обычаи и быт» [14, с. 141].

Во время своего пребывания в Монголии Амфилохий приобрел большое количество книг на монгольском и тибетском языках [14, с. 142].

Данное описание свидетельствует, что в начале XX в. казанская миссионерская школа сохранила в своей работе в буддийских регионах все те отличительные особенности, что были свойственны ей в середине XIX в. Также, к этому времени появился ряд новшеств. В 1912 г. при КДА появился историко-этнографический миссионерский музей. Его коллекции пополнялись главным образом за счет подарков выпускников академии [13, с. 119]. Таким образом, шестой особенностью работы представителей школы стало внимание к этнографической стороне жизни своей паствы.

На примере описания поездок Бобровникова к калмыкам и иеромонаха Амфилохия в Монголию можно отметить еще одну,

¹ Бигир-миджит хан (стар-монг.: Bigirmijid qayan, caнскр.: Vikramāditya) — мифический царь, герой цикла народных и литературных сказок.

² Хараа — река протяженностью 291 км, протекающая по северу Центрального и Селенгинскому аймакам Монголии.

седьмую, важную особенность деятельности казанской миссионерской школы. Ее представители часто совершали исследовательские поездки, целью которых было не только сформировать планы будущей миссионерской деятельности, но и ее совершенствование на базе комплексного лингвистического, религиоведческого и этнографического изучения жизни народов, исповедующих буддизм.

Опираясь на основной принцип работы миссионеров академии, заключавшийся в глубоком анализе религиозных учений с целью наиболее эффективного их опровержения, КДА сформировала следующие особенности своей деятельности в буддийских регионах, отличавшие ее от других учебных заведений подобного рода:

- Во-первых, она базировалась на фундаментальном университетском востоковедном образовании.
- Во-вторых, наряду с письменным языком, на котором были составлены основные тексты критикуемых вероучений, изучалась разговорная речь местных народов с целью организации более эффективной проповеди среди простых людей.
- В-третьих, представителями школы осуществлялся сбор оригинальных рукописей духовного и светского содержания с целью их дальнейшего всестороннего изучения.
- В-четвертых, будущие миссионеры изучали доктрины противоборствующих религий на основе оригинальных религиозных сочинений, главным образом дидактического содержания.
- В-пятых, миссионеры стремились опубликовать сделанные ими исследования и накопленные материалы в открытой печати, сделав их доступными для других проповедников и ученых.
- В-шестых, они обращали внимание не только на религиозную, но и на бытовую сторону жизни народов, среди которых вели свою проповедь.
- В-седьмых, совершали комплексные исследовательские поездки к народам, исповедующим буддизм.

Работа сотрудников, студентов и выпускников КДА, а также властей Российской Империи по совершенствованию подготовки

миссионеров сделала академию в XIX – начале XX вв. уникальным духовным учебным заведением. Такой широты преподавания восточных языков и востоковедных предметов в других клерикальных школах не существовало. Сотрудничество миссионеров-буддологов с православными обществами, университетами и епархиями придало их работе, в том числе исследовательской, регулярный и централизованный характер. К сожалению, события 1917 г. и закрытие КДА в 1919–1920 гг. [4, с. 228] прервали начинавшийся в Казани второй расцвет исследования буддизма и исповедующих его народов. Труды многих представителей этого миссионерского направления оказались забытыми или утерянными. Только в последние два десятилетия отечественные монголоведы и тибетологи осознали важность деятельности КДА и ее воспитанников, приступив к исследованию «феномена востоковедного миссионерства в Казани» [4, с. 226].

Казанская миссионерская школа играла важную роль во всех трех направлениях изучения Востока в России. Она стала «своеобразной научной базой» колониальной и просветительской политики Российской империи второй половины XIX – начала XX вв. [4, с. 228–229].

Несмотря на неоднозначную оценку деятельности КДА в области академической науки, в первую очередь арабистики, мы можем с уверенностью сказать, что благодаря особенностям своей миссионерской работы она оставила значительный след в отечественном и мировом монголоведении, а также стояла у истоков отечественной буддологии.

Этот след имеет не только духовное, но и материальное измерение в виде «самой многочисленной коллекции, поступившей в Азиатский музей в XIX столетии» [11, с. 12]. К сожалению, предположение составителя каталога монгольских рукописей и ксилографов из фондов Института восточных рукописей РАН А. Г. Сазыкина (1943–2005) о времени поступления коллекции КДА в Петербург не подтвердилось. Это произошло несколько позднее, в ноябре 1927 г. благодаря деятельности по сбору рукописей безвременно погибшего гебраиста М. Н. Соколова (1890–1937) [1, с. 549], выпускника Московской духовной семинарии (1910), МДА

(1914) и Факультета восточных языков Петроградского университета (1917) [6, с. 25]. Тем не менее, оценка этому собранию, данная выдающимся монголоведом XX в., актуальна и по сей день.

Деятельность представителей казанской миссионерской школы, ориентированная на проповедь христианства среди буддийского населения Российской империи, оказалась полезной для университетского востоковедного образования. В рукописном фонде восточного факультета Петербургского университета хранится большой рукописный калмыцко-русский словарь (шифр Calm. D. 13), составленный выпускником миссионерских курсов при КДА иеромонахом Мефодием (Львовским) (род. 1863) [13, с. 121].

Литература

- 1. Азиатский Музей Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972.
- 2. Бартольд В. В. Сочинения. Т. ІХ. Работы по истории востоковедения. М., 1977.
 - 3. Буряты. М., 2004.
- 4. Валеев Р. М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. 20-е гг. XX в.). Казань, 1998.
- 5. Веселовский Н. И. Сведения об официальном преподавании восточных языков в России. СПб., 1879.
- 6. Гебраистика и история еврейской культуры в России. Тематический указатель документов по фондам Санкт-Петербургского Архива Российской Академии наук. Выпуск 1, СПб., 1994.
 - 7. История Монголии. ХХ век. М., 2007.
- 8. Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Л., 1982.
 - 9. Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. V, М.-Л., 1958.
- 10. Орлова К. В. Сочинения «популярного буддизма» из рукописного фонда ИВР РАН // Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора. Материалы международной конференции. 19–20 апреля 2013 г. Санкт-Петербург, 2013. С. 153–158.

- 11. Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. І. М., 1988.
- 12. Успенский В. Л. Монголоведение в Казанской Духовной Академии // Mongolica-III. Из архивов отечественных монголоведов XIX начала XX вв. СПб., 1994. С. 11–17.
- 13. Успенский В. Л. Казанская духовная академия один из центров отечественного монголоведения // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2. Памяти святителя Николая, апостола Японии. 1836—1912. СПб., 1996. С. 118—122.
- 14. Успенский В. Л. Поездка иеромонаха Амфилохия в Монголию в 1912–1914 гг. // Письменные памятники Востока. №1 (4) 2006. К 80-летию со дня рождения Л. Н. Меньшикова. М., 2006. С. 137–144.